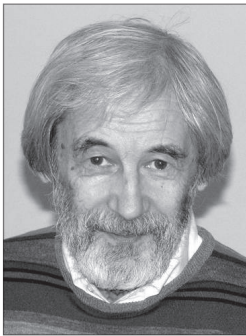

УДК : 78.071.2 : 781.24

Вячеслав Медушевский

ЧУВСТВО МИССИИ – КРИТЕРИЙ АДЕКВАТНОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ ШЕДЕВРА¹

Медушевский Вячеслав Вячеславович – заслуженный деятель искусств России (1995), доктор искусствоведения, профессор (кафедра теории музыки Московской государственной консерватории (университета) им. П. И. Чайковского), член Союза композиторов РФ.

Чего мы ждем от гениального исполнения музыки? – То и есть главное, драгоценнейшее ее содержание, если пользоваться этим странным понятием, рожденным картезианством. «Содержание» вызывает неустранимые ассоциации с содержимым, в то время как музыка – живая активность, действующая сила, сопрягающая энергии человека и Бога.

Разве музыка – предмет, а не чудо? Не откровение ли умной красоты Божией? Не возвышение ли жизни человека, народов, цивилизаций, человечества? Не родственница ли музыка и самой душе – единой многоспособной силе, открывающейся силе Божьей, сотворившей мир, проливающей в него свет, милость, любовь? «Чудо» стоит не в случайном этимологическом родстве с «чуть» («чуют правду»), с немецким словом schön, прекрасный. Изначальное значение индоевропейского корня указывает на постижение высшего. «Вкусите и видите, яко благ Господь» (Пс. 33:9).

---

¹ Выступление на IV Всеукраинской научно-практической конференции «Исполнительская интерпретация и современный учебный процесс». Луганск, 2012.

Как обозначалась эта энергия музыки до Гегеля и Канта? О чем свидетельствуют ее дивные звуки? Если взглянуть на историю осмысления музыки в масштабе всей истории человечества, откроются два ряда понятий и явлений.

Первый ряд предстанет пред нами, если суммировать древнейшие и средневековые осмысления, а так же определения гениев музыки Нового времени. Это – последняя ее цель, ее миссия, служение красоте и сама красота как энергии славы Божией, «жажда осанны», гениальность, вдохновение, восторг, преображение, окрыление, освежение духа и бытия.

Вот пример такого энергичного описания сущности музыки у язычников: «Души людей – божественные, хоть против и кричит Эпикур, – природу свою познают через песни»². Изумительно возносят нас в понимании музыки слова святителя Иоанна Златоуста: «Ничто, ничто так не возвышает и не окрыляет душу, не отрешает ее от земли, не избавляет от уз тела, не располагает любомудрствовать и презирать все житейское, как согласное пение и стройно составленная божественная песнь». В XVI веке Тинкторис обобщит суждения всех предыдущих веков истории в системе двадцати действий музыки. В XVIII веке Бах продиктовал определение последней цели музыки: она есть «служение славе Божией и освежение духа». В XX веке Рахманинов писал: «Время может изменить музыкальную технику, но оно никогда не изменит миссию музыки»³.

Без чувства миссии – как исполнителю выйти на сцену? Миссия – посланничество. Исполнитель не от себя говорит. И не от лица композитора, ибо и сами композиторы не приписывали себе славы Божьей. Отчетливо онтологическую глубину искусства выявил Г. Свиридов: «Спасение искусства заключено в вере в чудо воскресения».

Вот еще суждения философов, не предавших то главное, что должно держать жизнь в высоте. По мнению И. Ильина, мало того, чтобы душа запела. «Надо, чтобы от этого пения вострепетала ду-

---

² Цензорин. (Censorinus) «О дне рождения». — Вестник древней истории, 1986, № 2, 3. О том же говорил Бетховен: «Все художественное творчество имеет источником Бога и относится к человеку лишь постольку, поскольку оно свидетельствует о действии в нем божественного начала».

³ С. Рахманинов. Литературное наследие. Том 1. М., 1978, с. 144.

ховная глубина человека, та, которая молится, прозревает и творит; и, вострепетав, начала молиться, прозревать и творчески внимать звукам. Только тогда музыка действительно осуществляется в жизни как художественное и магическое событие; тогда человек может сказать, что он слышал и слышал эту музыку... Музыка есть не забава, а служение и молитва, в которой «Сам Дух ходатайствует за нас вздыханиями неизреченными». И тут, может быть, впервые откроется нам все ничтожество и бессилие современного («модернистического») искусства».

Второй ряд понятий открывается из интерпретологической практики последних веков. Ключевое понятие здесь – уже не красота, как явление славы Божией в мире, а содержание. Картезианская заковка термина, отторгнувшая ум от онтологического понимания сущего, работала на понижение культуры и постепенно свела предмет содержания на реалии земной жизни. Отсюда потекли в нашу жизнь ручейки, бури на море, идиллии, эмоции, утра, концепции, грядущие умозрительные иссушенные символизмы, о которых сокрушенно пророчествует Н. А. Римский-Корсаков как о конце настоящей музыки.

Тенденция вытеснения красоты содержанием интенсивно нарастала к концу XIX ст. А XX век окончательно променял красоту на содержание, как Исав – права первородства на чечевичную похлебку. Человечество всегда старалось смотреть на все *sub specie aeternitatis* – с точки зрения вечности. Нынешние мерзости мотивировались необходимостью пристраиваться к наглеющему духу времени, чем особенно охотно занимаются современные дремучие режиссеры. Один из них искренне недоумевал, с чего это вдруг все взъелись на него за спектакль, в котором Гамлет на глазах зрителей изнасиловал Офелию на крышке рояля, – это ведь пикантно, неожиданно и отвечает духу времени.

Ради терминологической комфортности сохраним все же привычное понятие облеченного в звуковую форму содержания. Однако разграничим в нем два разноприродные начала: окрыляющая красота – содержание № 1 – образуется на вертикальной оси предстояния человека и человечества Богу. А содержание № 2 – на горизонтальной оси их обращенности к обстоятельствам земной жизни. Тут же возникла пред нами система координат, которая даст понимание всего

на свете, будь то наш ум, воля, система образования, представления о высоте и низости, о критериях восхождения и деградации жизни, народов, цивилизаций, человечества, о признаках, отличающих регресс от прогресса и так далее до бесконечности.

Из системы координат вытекает главный принцип сопряжения двух содержаний. Они соотносятся не как два слоя пирога, а именно как пронизывание горизонтали вертикалью, несущее в себе в соответствии с вектором направленности: либо восхождение на высоты и преобразование всего земного в неслыханно прекрасное, либо дегенеративные процессы опошления, деградации и распада.

От святых отцов возьмем аналогию: соотношение воздуха и света. Именно разность их природ дает возможность просвещения. С физической точки зрения воздух – это вещество, а свет – энергия электромагнитных колебаний. Так и в духовной области. Умный свет истины-красоты-любви открывает возможность видеть все умные предметы мысли. Но они не видны в духовной тьме, которая есть отсутствие света. Так же удручающе действие дьявольского хлада, который есть отсутствие огненной всеживящей любви Божией.

Первое, что открывается в сфере музыки – это четкое разграничение рангов высоты музыки, в частности, и в сфере исполнительского искусства.

Здесь же и критерий адекватности исполнительских решений.

В одной из моих старых статей я задался вопросом: чему адекватно адекватное восприятие произведения? Ответ: адекватно культуре. Ответ недостаточный. Ведь сама культура может быть больной. Значит, и над ней самой должно стоять нечто более высокое и абсолютное, что позволяет измерить степень ее здоровья или поврежденности. Что же это? Заповедь культуры впервые прозвучала в раю из уст Божиих. Культура – возделывание. Возделывание чего? Ада? Нет, рая. Святые отцы понимали заповедь культуры не в сельскохозяйственном смысле, а духовно. Возделывать надо мысли Божии – любовь и красоту Божию, не имеющие предела.

Всякий шедевр поднимает культуру. Чем? – откровением красоты Божией. Это можно показать и в анализе великих эпохальных стилей. Адекватно ли откровение стиля культуре? Казалось бы, откровение опрокидывает все каноны. Однако не опускает ее, не низводит в хаос.

Напротив, дает ей новую славу. Какая радость, что кроме Баха у нас есть и Моцарт, а еще и Чайковский, и Римский-Корсаков...

На что же опирается шедевр? Опирается, по глубокому прозрению Рахманинова, на вечную, не меняющуюся миссию музыки. Разве может измениться желание Бога открыться людям в сиянии огненной Его любви, ради которой был сотворен мир и обильно посылались слушателям красоты ее немислимые откровения?

Сама же неизменность миссии восходит к последнему основанию всего сущего. «Я не изменяюсь», – говорит Господь (Мал. 3:6). И добавляет: *«посему вы, сыны Иакова, не уничтожились»*. Существенно, что и неостановимо приближающийся эсхатон истории, откровение нового неба и земли означает не конец мира, а его преобразование, когда и время втечет в вечность и растает в ней – когда исчезнут перегородки между прошлым, настоящим и будущим, когда настоящее станет настоящим, подлинным, не ослабевающим, но возрастающим в радости, когда разделенные тысячелетиями люди окажутся вместе, и лишь те, кто упорно стремился к жизни вне Бога, исполнят это свое заветное желание и обнаружат себя вне Царствия.

Русское слово «исполнение» – религиозного происхождения. Исполняются пророчества. Исполняются духом. Аморально исполняться самодовольством. Исполнение, таким образом – на вертикальной оси. И здесь оно означает возведение в полноту совершенства.

Шедевр – откровение славы Божией. Оно-то, бесконечное по красоте, и является предметом исполнительства. Отсюда и «интерпретация» – от лат. *interpret* «вестник» (богов). Мы исполняем не содержание, а откровение. А оно – не вещь. Оно живое, дается конкретным людям, учитывает эпоху, ситуацию, тысячи мелочей вплоть до акустики зала... Отсюда законность разных исполнений и интерпретаций по «горизонтали» (не путать с критерием высоты интерпретации, которая не должна снижаться).

Вот что пишет Бетховен французской пианистке Марии Биго по поводу ее исполнения: «Это не совсем то, что мною задумано, но продолжайте в том же духе: если это не вполне я, то тут есть нечто лучшее, чем я». «Нечто лучшее, чем я» – это Небо музыки. Оно-то, божественная правда и красота, есть последняя инстанция понимания и исполнения. «Понять – значит продолжить, значит стать поэтом

самого поэта». Мысль Новалиса осуществляет себя в музыке тогда, когда исполнителю открывается заново, действием свыше, то Небо музыки, которое вдохновляло и композитора. Композитор и исполнитель – возлюбленные братья красоты Небесной.

Таков в общей форме ответ на заявленную в названии этого сообщения тему. И понятно, чего ему недостает. Недостает конкретности видения, возникающей в конкретности исполнительских анализов. Но они возможны уже за пределами конференции – в рамках мастер-класса.

МЕДУШЕВСКИЙ В. ЧУВСТВО МИССИИ – КРИТЕРИЙ АДЕКВАТНОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ ШЕДЕВРА. В статье изложен христианский взгляд на духовное содержание музыкального искусства. Обосновывается сущность исполнительства как духовного общения Бога и человека-творца.

Ключевые слова: исполнение, красота, культура, чувство миссии, чудо, шедевр, адекватное восприятие, небо.

МЕДУШЕВСЬКИЙ В. ВІДЧУТТЯ МІСІЇ – КРИТЕРІЙ АДЕКВАТНОСТІ ВИКОНАННЯ ШЕДЕВРУ. У статті викладено християнський погляд на духовний зміст музичного мистецтва. Обґрунтовується сутність виконавства як спілкування Бога та людини-творця.

Ключові слова: виконання, краса, культура, відчуття місії, чудо, шедевр, адекватне сприйняття, небо.

MEDUSHEVSKIY V. SENSE OF MISSION IS A CRITERION OF THE ADEQUACY PERFORMANCE A MASTERPIECE. The article deals with the christian position to the spiritual sense of musical art. The essence of performance is grounded as the spiritual dialog God and a man-creator.

Key words: performance, beauty, culture, sense of mission, miracle, masterpiece, adequate perception, sky.